

- ⁶⁰ См.: КР. Т. 1. Стб. 923.
⁶¹ Там же. Стб. 1086–1087, 1120.
⁶² Доклад и боярский приговор о нетчиках // АМГ. Т. 1, № 185. С. 200.
⁶³ Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – ДР). Т. 1. СПб., 1850. Стб. 755.
⁶⁴ ДР. Т. 1. Стб. 831 (6 авг. 1626 г.); Там же. Стб. 832 (15 авг.); Там же. Стб. 878 (6 янв. 1627 г.); Там же. Стб. 880 (2 февр.); Там же. Стб. 906 (18 марта); Там же. Стб. 909 (25 марта) и т.д. См. также: Записные книги Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. Т. 9. С. 404, 437, 445, 472, 475, 489.
⁶⁵ См.: ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 6.
⁶⁶ Там же. Стб. 841.
⁶⁷ ДР. Т. 2. Стб. 194; Ср.: Славянская энциклопедия. XVII век. Т. 2. С. 56 (здесь ошибочно указан 1630 г.)
⁶⁸ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. лазами иностранцев. Л., 1986. С. 460.
⁶⁹ См.: ДР. Т. 2. Стб. 640, 695.
⁷⁰ «Того же году июня в 5 день по ногайским вестям, что приходили татары воевать Темниковские места, послал Государь воевод: на Ломов воеводы князь Федор князь Тимофеев сын Черной-Оболенской». См.: ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 703.
⁷¹ ДР. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 81.

УДК 94(4)+94(47).08

«КАЖДУЮ РУССКУЮ НОТКУ ЦЕНИТЬ НА ВЕС ЗОЛОТА...»: СТРАНИЦЫ СПОРА О КНИГЕ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Д. Е. Луконин

Саратовский государственный университет,
e-mail: lukonin@info.sgu.ru

Статья посвящена спору о русском искусстве, вызванному обсуждением книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Точки зрения Данилевского и его критика Владимира Соловьева рассмотрены с позиций русской художественной интеллигенции. Выдающийся критик Владимир Стасов, выразивший мнение националистически настроенных русских художников и музыкантов, выступил в этом споре против взглядов Соловьева. Этот любопытный факт не рассматривался ранее в научной литературе. Автор проясняет позицию Стасова и делает вывод о важном значении спора вокруг «России и Европы» для становления самосознания русской художественной интеллигенции.

Ключевые слова: русская художественная интеллигенция, русское искусство, Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, В. В. Стасов.

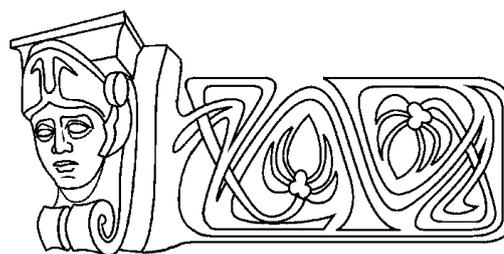
«Kazhduju Russkiju Notku Tsenit' na Ves Zolota...»: the Pages of Dispute on Book N. Danilevsky

D. E. Lukonin

This article is devoted to the dispute about the Russian art, which are developed as regards the Danilevsky' book «Russia and Europe». There were distinguished the points of view Danilevsky and Vladimir Soloviev, his opponent, from the positions of Russian art intellectuals. The well-known critic Vladimir Stasov, who represented nationalistic tendency among Russian artists and musicians, appeared against Soloviev's side in this dispute. This significant fact was not considered in the scientific literature. The author clarifies the Stasov's position and proved the important value of dispute on «Russia and Europe» for self-consciousness of Russian art intellectuals.

Key words: Russian art intellectuals, Russian art, Nikolay Danilevsky, Vladimir Soloviev, Vladimir Stasov.

В своей известной работе «Россия и Европа», которая впервые увидела свет на страницах перио-

дической печати в 1869 г., выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский сформулировал концепцию «культурно-исторических типов», определявшую место русской культуры и искусства во всемирно-историческом процессе. Однако при жизни автора это сочинение осталось практически незамеченным. Широкий общественный резонанс идеи Данилевского приобрели только к концу 80-х гг. XIX в., когда автора уже не было в живых. Н. Н. Страхов, апологет концепции Данилевского, полагал, что книгу «Россия и Европа» «можно назвать катехизисом или кодексом славянофильства, так полно, точно и ясно в ней изложено учение о славянском мире и его отношении к остальному человечеству»¹. Современная, теперь уже достаточно многочисленная, литература, посвященная этому сочинению, в основном дает более взвешенные оценки². Но, так или иначе, была ли концепция «культурно-исторических типов» квинтэссенцией славянофильства, противостояла ли она «западническим» взглядам или во многом она была совершенно оригинальным учением и стояла особняком от «главного русского спора»³, нам она интересна по двум причинам. Во-первых, Н. Я. Данилевский в логически продуманной форме представил такую позицию русской культуры и искусства, которая будет весьма характерна для самосознания русской художественной интеллигенции в 80-е гг. XIX в. Во-вторых, идеи Данилевского были известны самим русским художникам и музыкантам и имели существенное влияние на формирование их взглядов и представлений.

Один из самых заметных представителей русской художественной критики В. В. Стасов в начале 80-х гг. еще с осторожностью говорил о превалировании русской художественной школы

на мировой арене. «Новое наше искусство – и не копия, и не продолжение чего-то чужого, – писал он. – Оно родилось при совершенно других условиях, чем новое искусство Запада, и вследствие своих собственных резонансов, и на свой собственный манер»⁴. К настоящему моменту, по его мнению, русское искусство успешно конкурирует с лидерами в данной сфере человеческой деятельности, и не только не уступает, но по некоторым параметрам и превосходит их. Так, русская музыка, в частности, может быть поставлена в сравнение с музыкальными достижениями крупнейших в этой области держав – Франции и Германии. «...Только усилиями новой французской, но еще более новой русской школы музыка двигается вперед...»⁵ «...Молодая музыкальная Россия скоро сделается для Германии опасным соперником в борьбе за музыкальное первенство, и новые русские музыкальные создания все более и более убеждают... в этом», – не устал подчеркивать Стасов, ссылаясь на европейские авторитеты⁶.

Н. А. Римский-Корсаков, заслуженно признанный крупнейшим русским композитором в последней четверти XIX в., глава «беляевского кружка», также придерживался подобных взглядов. 24 марта 1890 г. он писал жене из Брюсселя: «Скажи детям, чтоб они хорошо знали говорить по-французски и по-немецки для того, чтобы, когда они будут за границей, могли бы свободно говорить и свободно защищать Россию перед иностранцами, которые ее не знают и потому судят вкривь и вкось, а между тем приходится или молчать, или чуть-чуть что не соглашаться, по незнанию языка. Они очень любезны, но через любезность сквозит какое-то желание оказать протекцию, благосклонное внимание и т. д. Они дают тебе знать, что они выше нас: это сквозит во всем; самомнение у них ужасное... Они очень ценят русскую музыку; говорят, что русские сделали “кельке шоз де нуво” и т. п. Но сквозь это звучит нотка протектората. Глупые они: не понимают того, что русские сделали столько, что им и во сне присниться не может. Если б они понимали, то должны были бы восхищаться и благоговеть и каждую русскую нотку ценить на вес золота, так, как они ценят Вагнера. ... Конечно, это мое горделивое мнение и только, но это в эту минуту мне так ясно представляется, что я не мог этого не высказать»⁷.

Стремление к привнесению русской музыки в Европу разделяли с В. В. Стасовым и Н. А. Римским-Корсаковым и многие другие музыканты. Так, например, Н. Н. Амалин, один из композиторов «беляевского кружка», писал своему меценату М. П. Беляеву из Палермо: «Мне необыкновенно досадно, что русские произведения или совсем не проникают за границу, или чрезвычайно туго. У русских есть предубеждение, что европейцы ими не интересуются и поэтому они, русские, не стараются показать себя, даже заявить о своем существовании. Какая великая

ошибка! ...Нужны русские деятели, которые показали бы Западу, что у них есть в стране хорошего. Трудно это! Трудно хотя бы потому, что и свои-то не признают того, что истинно хорошо!»⁸

Итак, в среде русской художественной интеллигенции действительно бытовали взгляды, вполне созвучные идеям Данилевского, согласно которым русское искусство должно было в ближайшем будущем стать доминирующим в Европе. Рассмотрим вкратце основные теоретические положения, на которых могли базироваться подобные убеждения.

Очевидно, что главными противниками, в сторону которых были направлены критические стрелы книги Данилевского, сочетавшей в себе стили политического памфлета и теоретической работы, были авторы европоцентристских и космополитических учений. Данилевский ставил своей задачей, с одной стороны, доказать несостоятельность взглядов, признающих «бесконечное во всем превосходство европейского перед русским» и «непоколебимой веры в единую спасительную европейскую цивилизацию», а с другой стороны, развенчать идеал «возвышенной и благородной» любви ко всему человечеству в целом, противоположный «естественному национальному чувству»⁹. Согласно его концепции, германо-романский (Европа) и славянский (с преимущественно русской отраслью) миры – суть два различных культурно-исторических типа, один – находящийся в стадии позднелетнего или осеннего цветения, другой же – зарождающийся. Один культурно-исторический тип никаким образом не может быть поверен опытом другого или поставлен с ним в сравнение. По Данилевскому, самобытные начала цивилизации, разрабатываемые одним культурно-историческим типом, не передаются народам другого типа¹⁰. Более того, Европа враждебно относится к славянскому миру, вражда эта лежит в «неизведанных глубинах» «исторического инстинкта» европейских народов. Дряхлеющий европейский мир готов бросить все силы для предотвращения развития новой славянской цивилизации, для уничтожения грозного для Европы «подлого, бородатого русского»¹¹.

С другой стороны, существование самобытных культурных типов, по Данилевскому, теоретически отрицало наличие «прогресса» как единой восходящей линии исторического развития. Не только Европа не является средоточием этого «общечеловеческого» развития, но и вообще никакого «общечеловеческого» развития не существует. Ни одна цивилизация «не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития»¹². Говорить о превосходстве европейской или русской культуры с точки зрения культурно-исторических типов нелепо, настолько же нелепо, как задаваться вопросом, какая форма растительного царства осуществляет наиполнейшим во

всех отношениях образом идею растения: дуб, пальма или кипарис?¹³ Таким образом, те выводы, которые можно было бы сделать, исходя из идей Данилевского применительно к анализу русской культуры, состоят в следующем: во-первых, культурное наследие одного типа (в том числе искусство) не может быть измерено никакими рамками, кроме своих собственных, во-вторых, славянское культурное наследие не может претендовать и не должно в конечном итоге каким-либо образом войти в европейскую (романо-германскую) сокровищницу культуры.

Но работа Н. Я. Данилевского имела и еще один аспект. Одним из самых ее уязвимых мест стало рассуждение о «задатках» развивающегося славянского культурно-исторического типа, по которым можно составить представление о будущем лице этой «новой цивилизации». Этому вопросу посвящена последняя, семнадцатая глава книги «Россия и Европа». Прежде чем вступить на шаткую почву пророчеств и предсказаний, Данилевский снабдил свое повествование всевозможными оговорками, в которых указал на «гадательное значение» характеристики будущего хода культурно-исторического развития и на невозможность в удовлетворительной форме дать ответ на вопрос о будущем¹⁴. Тем не менее, все-таки пустившись на этот путь, Данилевский предсказал славянству поистине великую будущность: славянский культурно-исторический тип не только скажет новое, оригинальное слово во всемирной истории, но скажет его во всех областях человеческого развития, «представит синтезис всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова»¹⁵.

В 1888 г., в отечественной печати разгорелся жаркий спор, открытый статьей В. С. Соловьева в журнале «Вестник Европы» против концепции Данилевского. Обвинив последнего в «национализме», Соловьев в объемной критической работе с названием, идентичным книге оппонента, подробным образом разобрал ее главные утверждения и доводы и дал небезосновательную критику основных ее положений¹⁶. Впоследствии целый ряд авторов, среди которых необходимо отметить таких крупных ученых и публицистов, как Н. И. Кареев, П. Н. Милюков, Э. Л. Радлов¹⁷, посвятил свои работы критике концепции Н. Я. Данилевского, но даже на столь серьезном фоне статья В. С. Соловьева продолжала оставаться лидирующей. С другой стороны, в защиту Данилевского, помимо Н. Н. Страхова, выступили такие авторитетные публицисты, как К. Н. Леонтьев и К. Н. Бестужев-Рюмин¹⁸. В. В. Стасов также опубликовал фельетон против статьи В. С. Соловьева, оказавшись, таким образом, в этом споре безусловно на стороне Н. Я. Данилевского¹⁹.

В подобной позиции В. В. Стасова априори прослеживается некоторая неоднозначность. Вряд ли можно поставить этого автора в ряды защитников идей славянофильства. Более того,

многие годы его публицистика ассоциировалась с деятельностью либерально-западнического журнала «Вестник Европы», на страницах которого появились многие его основополагающие работы. В частности, в начале 80-х гг. «Вестник Европы» опубликовал серию очерков В. В. Стасова «Двадцать пять лет русского искусства», содержащую анализ современной русской живописи, скульптуры, архитектуры и музыки²⁰. В указанном цикле Стасов доказал точку зрения, прямо противоположную мнению Соловьева, и убедительно продемонстрировал впечатляющие результаты русского искусства за последнюю четверть века. Поэтому Стасов имел все основания полагать, что своими трудами он, так сказать, «застолбил» определенную точку зрения, которую более невозможно просто игнорировать²¹. На фоне всего вышесказанного неудивительно, что Стасов построил свою статью против Соловьева на обвинении в «невежестве».

Н. Я. Данилевский сформулировал гипотезу, согласно которой существует четыре вида человеческой культурной деятельности в ее высшей категории деления, а именно религиозная, культурная (в узком смысле науки и искусства), политическая и общественно-экономическая деятельность. Каждый культурно-исторический тип индивидуально развивает какую-либо из этих деятельностных сторон, «основу» или «начало», заложенную в самом существе типа. Первые пять типов: египетский, китайский, вавилонский, индийский и иранский не проявили в особенности *ни одну* из вышеперечисленных основ, так как были культурами *приготовительными*. Еврейский, греческий и римский типы были *одноосновными* соответственно в областях религии, культуры и политики. Романо-германский тип (Европа) является *двухосновным* (политика и культура)²². Современный арабский тип выпал из поля зрения автора (по причине, видимо, того, что, кроме России и Европы, все остальные культурно-исторические типы весьма мало интересовали Данилевского или же служили только подспорьем в раскрытии основной темы). Славянский культурно-исторический тип, о котором теперь можно говорить лишь «гадательно», обнаруживает, по мнению Данилевского, все «задатки» для того, чтобы стать уникальным *четырёхосновным* типом, т. е. раскрыть потенциал человеческой деятельности во всех ее основных областях²³.

Именно в таком контексте Данилевского интересовала русская культура и русское искусство, в частности. Не будучи по роду своей деятельности близок русскому искусству, Данилевский тем не менее находил, что «совершенное до сих пор русским и другими славянскими народами в науках и искусствах весьма незначительно в сравнении с тем, что сделано двумя великими культурными типами: греческим и европейским»²⁴. Причин такому положению может быть две: коренная неспособность славян к культурной

деятельности на этом поприще или сравнительная молодость их в этом деле вкупе с неблагоприятными обстоятельствами развития. Данилевский настаивал на второй причине²⁵. Из уже существующих «задатков» будущего расцвета, помимо (по понятным причинам) творчества Гоголя, Данилевский отметил драму А. С. Пушкина «Борис Годунов», которую, в противоположность мнению В. Г. Белинского, он решительно поставил на один уровень с драматическими хрониками Шекспира и значительно выше трагедий Ф. Шиллера. Кроме того, он обратил внимание на творчество Л. Н. Толстого. В области живописи Данилевский выделил картину А. А. Иванова «Явление Христа народу», в скульптуре – группу «Преображение» Н. С. Пименова для Исаакиевского собора, в музыке – творчество М. И. Глинки²⁶.

Возражая Данилевскому практически по всем пунктам выдвинутой им концепции, В. С. Соловьев, разумеется, не обошел вниманием и вопрос о русском искусстве и его перспективах. Перед этим Соловьев последовательно отверг наличие каких-либо особенных достижений славянства в общественном сознании, науке и философии (которые могли бы послужить «задатками» нового культурно-исторического типа). Он безусловно признавал заслуги отечественных «первоклассных» ученых в различных отраслях современной науки. Однако он настаивал на том, что эта наука – не только неотъемлемая часть европейской науки, но и никакой другой, «особой русской науки» существовать не может. С точки же зрения европейской науки заслуги русских велики, но не всеобъемлющи. «...Русские способны участвовать в общеевропейской научной деятельности приблизительно в такой же мере, как шведы или голландцы», – к такому неутешительному выводу приходил В. С. Соловьев²⁷.

В сравнении с предыдущими областями деятельности русское искусство сын выдающегося историка ставил значительно выше. Он полагал, что именно русская действительность в области литературы и искусства «могла бы несомненно представлять хороший положительный задаток великого будущего»²⁸. Однако и в области искусства Соловьев находил непреодолимые препятствия перед тем, чтобы согласиться с прогнозами Данилевского. Первое его возражение было основано на том, что если славянский тип только развивается, то его достижения в области искусств должны идти по восходящей линии, т. е. произведения ныне творящих художников должны превосходить работы Пушкина, Гоголя, Толстого, Иванова и Глинки. «Но наши новые литературные поколения, – полагал Соловьев, – не могли произвести ни одного писателя, хотя бы лишь приблизительно равного старым мастерам. То же самое должно сказать о музыке и об исторической живописи... Трудно, кажется, отрицать тот очевидный факт, что литература и искусство в России идут в последнее время по нисходящей линии (со стороны художественного достоинства)...»²⁹

Другое возражение состояло в том, что русское искусство, как и наука, представляет собой неотъемлемую часть европейского искусства. Нисколько не покушаясь на самобытность русской, например, литературы, можно было бы, по Соловьеву, утверждать, что «русский роман, несомненно, отличается от английского, не более, однако, чем этот последний от испанского»³⁰. Более того, только в тесном общении с Европой русское искусство (как, впрочем, и другие стороны общественной жизни) обретает импульс к своему самобытному развитию. Напротив, «утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное»³¹. Таким образом, окончательный вердикт идеям Данилевского и их последователям у Соловьева выглядел следующим образом: «...Если у наших противников Европы отобрать все, по праву принадлежащее идеям европейского просвещения, то на долю славянской самобытности с ее «лучшими началами» останутся только хотя и чрезвычайно великие, но совершенно пустые и ничем не оправданные претензии»³².

Подобные заключения Соловьева вызвали негодование и гневную отповедь В. В. Стасова, построенную на многочисленных примерах из различных областей современного русского искусства. Так, по поводу рассуждений Соловьева о русской архитектуре Стасов указал на незнание им новой научной литературы («...кто не знает, что у нас сделано теперь по части подобного изучения, тот лучше молчи»), по поводу живописи, скульптуры и музыки – на незнание и нежелание принимать во внимание происходящее («...подумаешь, что Влад. Соловьев точно будто бы где-то заснул в углу и ничего не знает и не слышит из того, что происходит в мире. Никакой внешний шум, голоса, движение не достигают до него, и он невозмутимо пребывает в своей Нирване»)³³. В доказательство противоположной точки зрения Стасов привел в пример в области русской живописи – творчество И. Е. Репина («Бурлаки на Волге») и В. В. Верещагина, в области скульптуры – М. М. Антокольского³⁴, в области музыки – А. С. Даргомыжского, А. П. Бородина и всю «школу новой русской музыки»³⁵. И это только примеры тех художников, которые, по мнению В. В. Стасова, абсолютно признаны в самой Европе. Стасов не устал это подчеркивать. «А что говорит Европа? Европа, со времен последних всемирных выставок, т. е. с тех пор, как она стала, наконец, понемножку узнавать русское искусство, говорит совсем не то, что Влад. Соловьев. Европа все более и более начинает уважать русскую живопись и ценить ее. Нашим картинам присуждают там теперь большие золотые медали на всемирных выставках, наравне с высшими современными представителями искусства в Европе...»³⁶ «...В России есть некоторый скульптор Антокольский,

пользующийся громадной репутацией не только у нас, но и в Европе, и получавший высшие награды по целой скульптурной выставке из рук международных жюри, на всемирных выставках...»³⁷ «...Выросла у нас целая школа новой русской музыки, целая плеяда талантливых композиторов, высоко ценимых даже везде в Европе...»³⁸ Поэтому и выводы В. С. Соловьева Стасов называл предвзятыми³⁹. «Вл. Соловьев считает, – писал он, – что всего, сделанного нашими художниками, “еще слишком мало для особенного культурно-исторического типа”. Как мало! Да какого же ему “типа” надо? И какие же еще более характерные «типы» ему известны в Европе? Кто и что в состоянии, после того, его удовлетворить? Мне кажется, поднеси ему еще хоть сто капитальнейших русских художников, важных не только для нас, но и для всей Европы, он все будет махать рукой и кричать: “Не то! Не то!” Французская пословица говорит: “Нет глухого больше того, кто не хочет слушать”»⁴⁰.

В целом же позиция Стасова по вопросу о современном русском искусстве отличалась и от позиции Соловьева, и от позиции Данилевского. Как было прослежено выше, Данилевский (вслед за старыми славянофилами⁴¹) полагал, что в настоящее время развитие искусств в России не столь значительно, но, тем не менее, вполне достаточно, чтобы питать положительные надежды на великое будущее. В противоположность ему Соловьев указывал на творчество Пушкина, Гоголя, Иванова и Глинки как на вершину развития русского искусства, а в настоящем находил лишь упадок и «нисходящую линию». Стасов же не только признавал великих мастеров первой половины XIX в., но и относил к настоящему период истинного расцвета, также питая надежды и на дальнейшее процветание в будущем. К концу 80-х гг. XIX в. В. В. Стасов уже был абсолютно уверен в том, что русские художники «догнали и перегнали» Европу. Русское искусство, «новая русская школа», национальный принцип в искусстве, – подобные доминанты, рассматриваемые как откровение для Запада, как «луч света от России» (по словам Н. А. Бердяева), будут еще долгое время оказывать существенное влияние на всю систему представлений русской художественной интеллигенции.

Примечания

- ¹ *Страхов Н. Н.* О книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» // Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 510.
- ² См.: *Абалкин Л. И.* Н. Я. Данилевский о России, Европе и славянском единстве // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 3–7; *Авдеева Л. Р.* Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. М., 1992; *Бажов С. И.* Проблемы культуры и цивилизации в философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского // Социальная философия в России в XIX веке. М., 1985. С. 111–134; *Он же.* Философия истории Н. Я. Данилевского. М., 1997; *Балуев Б. П.* Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь, 2001; *Белов А. В.* Органицизм как основание теории культурно-исторических типов (философия истории Гегеля и Данилевского) // Идеи русского ученого энциклопедиста Н. Я. Данилевского и реалии современного мира: Сб. ст. М., 2002. С. 97–101; *Ефремов А.* Историсофия и культура: Н. Я. Данилевский и русские писатели // Москва. 2006. № 5. С. 169–183; *Захарова А. А.* Россия в философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского. Томск, 1986; *Ионов И. Н.* Империя и цивилизация: Идеи и догадки Н. Данилевского в сравнительно-историческом освещении // Общественные науки и современность. 2003. № 2; *Хачатурян В. М.* Теория культурно-исторических типов Н. Данилевского: логика и противоречия // Общественные науки и современность. 2003. № 2.
- ³ Сам Данилевский рассматривал «западничество» только как «пагубное заблуждение, которое... отмеривает нам и братьям нашим жалкую, ничтожную историческую роль подражателей Европы, лишает нас надежды на самобытно культурное значение, т. е. на великую историческую будущность». (*Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 469).
- ⁴ *Стасов В. В.* Двадцать пять лет русского искусства // Стасов В. В. Избр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 393. (Первоначально – «Вестник Европы». 1882, ноябрь, декабрь. 1883, февраль, июнь, октябрь).
- ⁵ Там же. С. 567.
- ⁶ Там же. С. 568.
- ⁷ Избранные письма Н. А. Римского-Корсакова к Н. Н. Римской-Корсаковой // Римский-Корсаков: Исследования, материалы, письма: В 2 т. М., 1953. Т. 2. С. 50.
- ⁸ ГЦММК. Архив М. П. Беляева. Ф. 41. Д. 107. Л. 2–4.
- ⁹ *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 65–66.
- ¹⁰ Там же. С. 91.
- ¹¹ Там же. С. 50–53.
- ¹² Там же. С. 109.
- ¹³ Там же. С. 116.
- ¹⁴ Там же. С. 469–471.
- ¹⁵ Там же. С. 508.
- ¹⁶ См.: *Соловьев В. С.* Россия и Европа // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1: Философская публицистика. М., 1989. С. 334–396.
- ¹⁷ См.: *Кареев Н. И.* Теория культурно-исторических типов // Кареев Н. И. Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 67–107; *Миллюков П. Н.* Разложение славянофильства // *Миллюков П. Н.* Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902. С. 266–308; *Радлов Э. Л.* Несколько замечаний о философии Н. Н. Страхова. СПб., 1890.
- ¹⁸ См.: *Леонтьев К. Н.* Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философия и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 466–511 (первоначально – в газете «Гражданин» 1888. № 99, 102, 105, 107, 112, 115, 120, 128, 137, 140, 147, 152); *Бестужев-Рюмин К. Н.* Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1889 (послесловие).

- ¹⁹ См.: *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева // *Стасов В. В.* Статьи и заметки, не вошедшие в собрания сочинений. Т. 2. М., 1954. С. 215–218.
- ²⁰ См.: *Стасов В. В.* Двадцать пять лет русского искусства. С. 391–568.
- ²¹ Еще 20 лет спустя «Вестник Европы» в лице критика Г. Н. Тимофеева, автора первой серьезной биографии В. В. Стасова, окончательно признал его заслуги в этой области. «Это новое направление в русском искусстве [«национальное направление». – Д. Л.] стало крепнуть, расти, развиваться, – писал Г. Н. Тимофеев, – и в этом-то его движении живейшее участие принял Стасов. Он сделался его разъяснителем, глашатаем, апостолом. То, что для нашей литературы делали Белинский, Добролюбов и Чернышевский, то для нашего искусства... делал Стасов». (Вестник Европы. 1908. Кн. 2, февраль. С. 208).
- ²² *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 472–479.
- ²³ Там же. С. 508.
- ²⁴ Там же. С. 493.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 501–506.
- ²⁷ *Соловьев В. С.* Россия и Европа // *Соловьев В. С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 344.
- ²⁸ Там же. С. 350.
- ²⁹ Там же. С. 351.
- ³⁰ Там же. С. 352.
- ³¹ Там же. С. 353.
- ³² Там же. С. 392.
- ³³ *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева. С. 216–218.
- ³⁴ По этому пункту В. В. Стасов заслужил порицание от М. А. Балакирева, выраженное в следующей форме: «Признаюсь, мне было очень странно прочитать в Вашем крохотном возражении В. С. Соловьеву имя Антокольского, которое Вы приводите в доказательство талантливости русских (!) и крепости молодого искусства. Об таланте его не берусь рассуждать, но скажите на милость, отчего он представитель русской школы, тогда как он коренной еврей, даже не крещеный и постоянно живущий в Париже и даже дурно говорящий по-русски. – Неужели только потому, что он русский подданный? Тогда Вы должны признать и Рубинштейна за русского музыканта...» (*Балакирев М. А. и Стасов В. В.* Переписка: В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 133).
- ³⁵ *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева. С. 216–218.
- ³⁶ Там же. С. 217.
- ³⁷ Там же. С. 218.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ В. В. Стасов был не одинок в скептической оценке работ В. С. Соловьева. Так, например, с крайней иронией относился к ним выдающийся русский композитор А. К. Лядов. В письме В. А. Авдееву он писал: «Читаю твоего “философа” Соловьева. Мужичок в европейском костюме. Все кухонные предрассудки, соединенные с поповским «это человеческому разуму непонятно», – налицо. Нет, плоха твоя нянюшка и напрасно ты держишься за ее подол! А все-таки принеси его что-нибудь “тузовое”, – я для тебя его прочту». – Ан. К. Лядов. Пг., 1916. С. 58. Лядов противопоставил философию В. С. Соловьева более близким ему по духу Ницше и Метерлинку. (Там же). Ученик и биограф Н. А. Римского-Корсакова В. В. Ястребцев также вспоминал о том, как они с учителем вели разговоры «о Соловьеве». (*Ястребцев В. В.* Н. А. Римский-Корсаков: Воспоминания: В 2 т. Л., 1960. Т. 2: 1898–1908. С. 271).
- ⁴⁰ *Стасов В. В.* По поводу статьи В. С. Соловьева. С. 218.
- ⁴¹ «Россия не блестела ни художествами, ни учеными изобретениями, не имея времени развиваться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу, – писал, например, И. В. Киреевский. – Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств; в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам». (*Киреевский И. В.* В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 152).

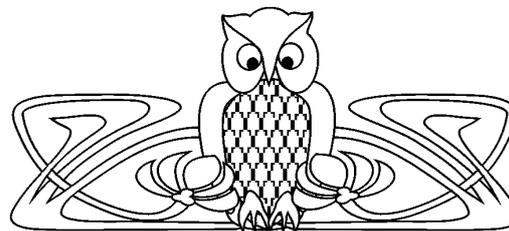
УДК 94(47). 082/083 + 929 Победоносцев

«БЕЗОЧАРОВАННЫЙ СКЕПТИК» (власть и общество в политической концепции К.П. Победоносцева)

Ю.Г. Степанов

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: Stepanovug@list.ru

В статье рассматривается политическая концепция русского консерватора и государственного деятеля. Победоносцев создал политическую концепцию необходимости монархии в России, доказывал историческую необходимость сильной власти, поскольку в русском обществе нет традиций самостоятельности народа. Его оригинальное учение о взаимодействии власти и общества интересно как пример консервативной мысли.

Ключевые слова: монархия, общество, власть, Россия, Англия, инициатива, Запад.

The Sceptic without Illusions (Society and Power in Pobedonoscev's Political Concept)

Yu.G. Stepanov

Research is devoted the Russian conservative and the statesman. Pobedonoscev created the political concept of necessity of a monarchy